

ХРЕСТОМАТИЯ

Н. В. Гришина

ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

2-е издание
дополненное

Философско-социологическая
«конфликтная парадигма»

Описание конфликта
в классической психологии

Проблема конфликта
в отечественной психологии

Отдельные виды конфликтов

 ПИТЕР®

Хрестоматия (Питер)

Наталия Гришина

Психология конфликта

«Питер»

2016

УДК 316.48(075)
ББК 88.53я7

Гришина Н. В.

Психология конфликта / Н. В. Гришина — «Питер»,
2016 — (Хрестоматия (Питер))

ISBN 978-5-496-02350-4

Исследование конфликтов относится к наиболее динамично развивающейся в последнее время области психологии. Все большее число профессионалов – психологи и социологи, экономисты и управленцы – сталкиваются с практическими задачами урегулирования человеческих проблем и разрешения конфликтов. Второе дополненное издание хрестоматии (первое вышло в 2001 г.) содержит тексты как зарубежных, так и отечественных авторов, знакомство с которыми позволит читателю составить общее представление о проблеме конфликта, понимании и интерпретации конфликтных явлений различными направлениями психологической науки и практики. Хрестоматия предназначена не только для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов психологии, философии, социологии. Она, безусловно, окажется полезной и интересной любому специалисту, желающему обогатить свои знания в области психологии конфликта. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

УДК 316.48(075)

ББК 88.53я7

ISBN 978-5-496-02350-4

© Гришина Н. В., 2016

© Питер, 2016

Содержание

Предисловие	7
Предисловие к первому изданию	9
I	11
К. Маркс	13
Дж. Тернер	14
Г. Зиммель	15
I	15
II	17
Дж. Тернер	20
Дж. Тернер	21
Дж. Тернер	22
Р. Дарендорф	23
V	23
VI	24
VII	26
Дж. Тернер	29
Л. А. Козер	30
Л. А. Козер	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Психология конфликта

© ООО Издательство «Питер», 2016

* * *

Предисловие

Необходимость переиздания хрестоматии по психологии конфликта продиктована несколькими обстоятельствами. Прежде всего это неослабевающий и скорее даже усиливающийся интерес к проблематике конфликтов, в немалой степени, к сожалению, связанный с сохраняющейся напряженностью в различных сферах жизни современного российского общества. Однако, несмотря на это, все же можно говорить о некоторых позитивных изменениях: на мой взгляд, растет осознание того, что альтернативой напряженности в человеческих отношениях в самых разных сферах нашей жизни должно быть конструктивное решение существующих проблем, а не их отсутствие. И это, безусловно, немалый сдвиг в нашей ментальности. Все большее число профессионалов в самых разных областях деятельности – психологи и социологи, экономисты и управленцы – сталкиваются с практическими задачами урегулирования человеческих проблем и разрешения конфликтов.

Еще одно обстоятельство, которое обеспечивает внимание к литературе такого рода, – это растущий интерес людей к психологии, к тому, как строить свою жизнь, как успешно и самостоятельно решать свои проблемы. Сегодня никого не надо убеждать в том, что развитие интереса к психологии – это не дань моде, а естественное следствие изменений в социальной реальности, в жизни людей. Питер Друкер, крупнейший специалист в области управления, отмечает: «Через несколько сотен лет, когда историю нашего времени будут описывать как историю далекого прошлого, весьма вероятно, что самым важным, по мнению этих историков, будет признано не развитие технологий, не Интернет и не электронная коммерция, а беспрецедентное изменение условий человеческого существования. Впервые – без преувеличений – у значительного и быстро увеличивающегося числа людей появляется выбор. Впервые им приходится управлять собственной жизнью самостоятельно». И это, несомненно, проявляется и в том, что люди хотят быть более компетентными в собственной жизни, в том числе и при решении сложных проблем в отношениях, в преодолении критических жизненных ситуаций, в анализе и разрешении конфликтов.

Третье обстоятельство, побуждающее нас к переизданию данной хрестоматии, скорее вызывает огорчение: фактически мы вынуждены констатировать отсутствие серьезных сдвигов в том, что касается изучения, исследовательского продвижения в области конфликтной проблематики. В опубликованной в данном издании статье А. В. Сидоренкова приводятся данные о том, что в период с 1985 по 2001 г. – за 15 лет – в наших ведущих психологических журналах появилось 13 статей, посвященных проблеме конфликтов. По моим данным, в период с 2002 г. по начало 2007 г. в этих же журналах по данной теме появилось 5 статей. Таким образом, общая тенденция выхода публикаций, посвященных психологии конфликта, остается малоутешительной: в среднем – если, повторяю, ориентироваться на ведущие психологические журналы – в отечественной психологии появляется примерно одна статья в год. Главная проблема, видимо, состоит в том, что, несмотря на готовность психологов работать с конфликтами и очевидный интерес к ним, конфликт продолжает оставаться трудноуловимым для исследователей феноменом. Причем это относится не только к внутренним конфликтам, конфликтам души человеческой, – этот мир очевидно труден для традиционно понимаемого исследования, – но и к межличностному взаимодействию, конфликтам в человеческих отношениях. Однако «трудноуловимость» конфликтных феноменов не может быть препятствием на пути их изучения, и хочется думать, нам все же удастся найти способы справиться с ней.

Прекрасным примером экспериментальных методических приемов в изучении конфликтов является впервые появившаяся на русском языке классическая работа А. Р. Лурия «Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека» («Когито-Центр», М., 2002). На издание этой книги, безусловно, являющейся событием

в отечественной психологической науке, журналы откликнулись двумя рецензиями. До этого русскому читателю могли быть знакомы только отдельные статьи Лурия, опубликованные по этой тематике еще в 30-е гг. XX в. История книги Лурия примечательна: написанная в 30-е гг., трижды изданная в США (причем первое издание датируется 1932 г., а последнее – 1976 г.), она наконец-то вернулась на родину. Фактически эта сугубо научная книга повторила судьбу многих произведений наших отечественных писателей, философов и гуманитарных ученых: их сначала приходилось читать на языке перевода, не будучи уверенным, что встретишься с ними на том языке, на котором их писали наши соотечественники, – писали прежде всего для нас. Книге Лурия повезло – как, впрочем, прежде всего и всем нам. Само название одного из разделов – «Психофизиология конфликтных процессов» – говорит о необычном подходе к проблематике конфликтов. Главный интерес автора состоит в использующем экспериментальный метод изучении «корней дезорганизованного поведения». При этом принципиальная позиция А. Р. Лурия заключается в том, что «человек не только переживает распад своего поведения, но и пытается овладеть им, преодолеть его. Мы изучили механизмы распада, но мы стоим перед не менее важной задачей изучения механизмов организации» (с. 389). Тем самым он связывает возможность лучшего понимания организации поведения людей через изучение закономерностей и механизмов его дезорганизации в конфликтах. Помимо всего прочего, повторюсь, работа Лурия – блистательный пример экспериментальных исследований человеческого поведения. В хрестоматии, посвященной психологии конфликтов, невозможно было не упомянуть о таком событии, как выход книги А. Р. Лурия, однако, по понятным причинам, в рамках формата хрестоматии этим приходится ограничиться.

В целом же отечественная библиотека по психологии конфликта пополнилась мало. В силу этого и данная хрестоматия претерпела мало изменений: в новое издание включен фрагмент книги западного автора и две статьи отечественных авторов, опубликованные после выхода предыдущего издания.

Надеюсь, однако, что это новое издание хрестоматии «Психология конфликта» будет встречено читателями с теми же интересом и благожелательностью, что и первое.

Н. В. Гришина, доктор психологических наук

Предисловие к первому изданию

Исследование конфликтов относится к наиболее динамично развивающейся в последние годы области психологии. И хотя в этом бесспорно сказывается влияние социальных факторов, роста конфликтности во всех сферах общественной жизни и взаимодействия людей, усиление интереса к конфликтной проблематике не может быть объяснено только внешними по отношению к науке влияниями.

Конфликт – это не просто модная проблема, хотя сегодня она и привлекает к себе внимание гораздо большего числа специалистов, чем это было еще совсем недавно. Интерес к конфликтной феноменологии не будет временным или преходящим, которому, в свою очередь, предстоит уступить место другой, более актуальной теме. Конфликт представляет собой явление, которое играет особую роль в психической жизни людей, их развитии, самореализации, отношениях с другими людьми, наконец, в жизни общества в целом. Конфликт как одно из значимых явлений психической жизни человека непосредственно связан с проблемой психологического благополучия – фундаментальной проблемой всей психологической науки. И хотя исследование конфликта оказалось в какой-то мере «поделенным» между разными психологическими дисциплинами – прежде всего общей психологией, психологией личности, социальной психологией, – понятие конфликта принадлежит всей психологической науке и относится к ее фундаментальным основам.

По сути, сейчас мы в какой-то мере восстанавливаем справедливость, возвращая явлению конфликта подобающее ему место в психологической феноменологии, утраченное и по причинам, не имеющим к науке никакого отношения. Немалую роль в этом сыграло и интенсивное развитие в нашей стране практической психологии, прежде всего в форме непосредственной психологической помощи людям. За обращением к психологу почти всегда стоит та или иная критическая жизненная ситуация человека, переживаемые им трудности, конфликты, кризисы. Потребность в психологической помощи в этих ситуациях резко контрастирует с явно недостаточно развитыми представлениями современной психологии об этих явлениях.

Ответом на эту потребность стало не только введение курсов по конфликтологии, социологии и психологии конфликта в образовательные программы подготовки специалистов самого разного направления, но и появление в последние годы немалого числа работ, в том числе учебного, научно-популярного, просветительского характера. И хотя интерес к такого рода литературе вполне закономерен, она далеко не всегда может удовлетворить запросы тех, кто ориентирован на профессиональное знание в области конфликтов.

Один из моих коллег, читая лекции по зарубежным теориям личности еще тогда, когда их названиями не пестрели обложки книг, часто рассказывал студентам старый анекдот о том, как человек недоумевает по поводу шумной славы популярного когда-то певца: «Все говорят – Робертино Лоретти, Робертино Лоретти! А мне сосед напел – ничего особенного!» Он добавлял при этом, что любые лекции не могут заменить чтения психологической литературы, ее классиков и «первоисточников». К сожалению, в прошлом мы вынуждены были знакомиться со многими из них лишь в пересказах – в учебниках или на тех же лекциях, и возникал тот самый эффект, против которого предостерегал мой коллега, – «ничего особенного». Сегодня ситуация кардинальным образом переменялась, и мы действительно получили возможность знакомиться с лучшими образцами психологической литературы из «первых рук». Однако это неизбежно породило проблемы выбора литературы и систематизации психологического знания. Один из способов решения этой проблемы – это подготовка и выпуск специальных изданий, посвященных тем или иным проблемам. Одним из лучших видов этого жанра является хрестоматия.

Данная хрестоматия содержит тексты как зарубежных, так и отечественных авторов, знакомство с которыми позволит читателю составить общее представление о проблеме конфликта, понимании и интерпретации конфликтных явлений разными направлениями психологической науки. Выбор этих текстов был непростым делом. Значительные трудности были связаны с тем, что интерес многих психологов к глубинным проблемам человека и переживаемым им трудностям, выразившийся, например, в многочисленных психодинамических теориях личности, далеко не всегда проявлялся в оформлении их представлений о конфликтах в специально посвященных этой теме работах. Именно это привело к отсутствию в данной хрестоматии имен, которые вполне достойны того, чтобы быть вписанными в историю развития идей в области психологии конфликтов. В противном случае пришлось бы либо публиковать здесь огромные тексты, либо оказываться перед необходимостью их пересказывания.

Кроме того, огромный пласт современной психологической литературы остался здесь в какой-то степени невостребованным, так как она посвящена не столько самому явлению конфликта, его феноменологии или описанию, сколько практической работе с конфликтами в разных современных психологических и психотерапевтических школах. Соединить все это в одном издании оказалось невозможным, это задача будущих изданий.

Особое внимание читателя хочется обратить на работы отечественных авторов. К сожалению, сейчас они нередко оказываются менее доступными начинающим психологам, чем работы их западных коллег. Вместе с тем, по моему глубокому убеждению, отечественная психология имеет свой, чрезвычайно мощный, самобытный и перспективный потенциал, использование которого принесет плоды не только отечественной, но и мировой науке. Это относится ко многим областям психологии и к психологии конфликта в том числе. В заключение напомним оригинальное значение греческого слова «хрестоматия» – «изучать хорошее, полезное». Надеюсь, что ощущение интереса и пользы будет сопутствовать вам и при чтении этой книги.

I

Философско-социологическая «конфликтная парадигма»

Основные темы и понятия раздела

- *Элементы теории социального конфликта*
- *Функции социального конфликта*
- *Завершение конфликта*
- *Реалистический и нереалистический конфликт*

* * *

Конфликт в его разнообразных формах является подлинно междисциплинарным предметом исследования. Его отдельные виды описываются и изучаются философами, политологами, правоведами, педагогами, военными, математиками, экономистами и др. В качестве наиболее давней и богатой традиции исследования конфликтов следует назвать работы философов и социологов. Именно философско-социологическая традиция оказала значительное и бесспорное влияние на отношение к конфликтам в гуманитарной мысли в целом и в психологии в частности.

«Теория конфликта», основанная на идее постоянного изменения общества, была сформулирована в противовес «теории равновесия».

Первоначальное формирование теории конфликта как определенной системы представлений о природе общества, его устройстве и развитии произошло под непосредственным влиянием работ Карла Маркса. Он считается признанным предшественником современной конфликтологии, а его идеи если и не всегда разделялись последующими поколениями социологов, интересовавшихся темой конфликта, то, по крайней мере, стали основой принципиальных изменений в философской традиции понимания конфликтов. Работы Маркса исследовали диалектику развития общества и закономерности возникновения конфликтов. Главной движущей силой развития общества, по Марксу, является борьба между классами, которая неизбежна в силу разделенности общества на враждующие социальные группы. Полнота и глубина описания и анализа процессов классовой борьбы в обществе позволяют считать Маркса создателем «социологии классовой борьбы».

Другой классик, имя которого в истории развития философско-социологической традиции изучения конфликтов стоит рядом с Марксом, – немецкий философ Георг Зиммель. Подобно Марксу, он полагал, что конфликт в обществе неизбежен, однако обращался к более широкому кругу разнообразных конфликтных явлений и считал одной из основных их форм конфликт между индивидом и обществом. Основное отличие социологии Зиммеля от представлений Маркса – это вера в позитивные возможности конфликта, в то, что конфликт может вести к социальной интеграции и усилению социальной сплоченности. Тем самым он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем. Зиммель сформулировал представление о позитивных функциях конфликта, заложив основы конфликтного функционализма.

Последователями Маркса и Зиммеля и современными классиками конфликтологии считаются немецкий социолог Ральф Дарендорф и американский ученый Льюис Козер. Они развивают традиции, заложенные «родоначальниками», – Дарендорф представляет диалектическую теорию конфликта в традиции диалектического подхода Маркса, а Козер – конфликтный

функционализм, развивающий идеи Зиммеля. Идеи Дарендорфа и Козера рассматриваются как концептуальная основа современной парадигмы конфликта. Именно их работы стали непосредственным основанием конфликтологии, которая переходит от теоретических описаний конфликтов к практической работе с ними.

По Дарендорфу, социальный конфликт всегда существует в обществе в силу неизбежного различия интересов. Однако в постиндустриальном обществе он смещается из плоскости экономических интересов, отношений собственности (о которых писал Маркс) в область отношений господства-подчинения и перераспределения власти. Дарендорф подробно разбирает условия возникновения конфликтов, факторы, определяющие их остроту, последствия, возможности управления конфликтами и формы их разрешения и т. д. Интересы Козера, в свою очередь, фокусируются не столько вокруг анализа источников конфликта и его возникновения в социальных системах, сколько на его функциях. Позитивные функции конфликта (по Козеру) сводятся к стимулированию изменений, структурированию и оформлению групповых процессов и образований, разрядке напряженности, лучшему узнаванию и сближению сторон, а также предотвращению более сильных конфликтов.

В раздел «Философско-социологическая “конфликтная парадигма”» включены тексты, отражающие идеи основных классиков этой области. Наследие Маркса, хорошо известное и доступное в нашей стране, представлено небольшим фрагментом из его предисловия к «Критике политической экономии», а также лаконичными ключевыми тезисами, описывающими его представления о социальном конфликте, сформулированными Дж. Тернером, выполнившим тщательный анализ теории конфликта в социальных науках (*Тернер Дж. Структура современной социологической теории*, 1985). Выбор отдельных фрагментов работ Зиммеля, Дарендорфа и Козера был продиктован либо их достаточно общим характером, позволяющим составить представление о позиции автора, либо, напротив, их конкретностью в освещении вопроса, представляющего интерес для психологов. Выбранные отрывки из оригинальных текстов авторов дополнены схемами, заимствованными из работы Дж. Тернера, которые позволяют в предельно сжатой форме получить конкретное представление о результатах теоретической разработки классиками теории конфликта отдельных вопросов, имеющих практический интерес.

К. Маркс

К критике политической экономии¹

Предисловие

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или по крайней мере находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – Т. 13. – С. 6–8.

Дж. Тернер **Ключевые тезисы Маркса²**

I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы. II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.

A. Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы.

B. Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

B. Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.

2. Чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами.

Г. Чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятно идеологическая унификация.

2. Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятно идеологическая унификация.

III. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.

A. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.

IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.

V. Чем сильнее поляризации господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.

VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.

---

² Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129.

Г. Зиммель Человек как враг³

I

О естественной враждебности между человеком и человеком говорят скептические моралисты, для которых *homo homini lupus est*⁴ и «в несчастье наших лучших друзей есть нечто, не вполне для нас неприятное». Однако же и противоположным образом настроенная моральная философия, выводящая нравственную самоотверженность из трансцендентных основ нашего существа, отнюдь не избегает подобного пессимизма.

Ведь она признает, что в наших волениях, опытно постижимых и исчислимых, невозможно обнаружить жертвенное отношение Я к Ты. Следовательно, эмпирически, согласно рассудку, человек является просто эгоистом и обратить этот естественный факт в его противоположность уже никогда не сможет сама природа; (на это способен) лишь *deus ex machina*⁵ некоего метафизического бытия внутри нас. Видимо, данная враждебность оказывается по меньшей мере некоторой формой или основой человеческих отношений наряду с другой – симпатией между людьми. Примечательно сильный интерес, который, например, человек испытывает именно к страданиям других людей, можно объяснить только смешением обеих мотивировок.

На сущностно присущую нам антипатию указывает и такое нередкое явление, как «дух противоречия», свойственный отнюдь не только принципиальным упрямам, всегда говорящим «нет» (к отчаянию своего окружения, будь то дружеский или семейный круг, комитет или театральная публика). Нельзя сказать, что наиболее характерна область политическая, где «дух противоречия» торжествует в тех деятелях оппозиции, классическим типом которых для Маколея был Роберт Фергюсон; *His hostility was not to Popery or to Protestantism, to monarchical government or to republican government, to the house of Stuarts or to the house of Nassau, but to whatever was at the time established*⁶. Все эти случаи, считающиеся типами «чистой оппозиции», не обязательно должны ею быть; ибо такого рода оппоненты объявляют себя защитниками угрожаемых прав, борцами за объективно правильное, охранителями меньшинства как такового. Абстрактное стремление к оппозиции, по-моему, гораздо отчетливее демонстрируют куда менее примечательные ситуации: тихое, едва осознанное, часто сразу же улетающее побуждение противоречить некоторому утверждению или требованию именно тогда, когда оно встречается в категоричной форме. Даже во вполне гармоничных отношениях у многих достаточно податливых натур этот оппозиционный инстинкт выступает с неизбежностью рефлекторного движения и подмешивается, пусть и без видимых последствий, к поведению в целом. Допустим, это действительно захотели бы назвать защитным инстинктом – ведь и многие животные автоматически выбрасывают свои приспособления для защиты и нападения в ответ на одно только прикосновение. Но тем самым был бы только доказан изначальный, фундаментальный характер оппозиции, так как это означало бы, что личность, даже и не подвергаясь нападению, лишь реагируя на самовыражения других, не способна утверждать себя

³ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 114–119.

⁴ Человек человеку волк (*лат.*).

⁵ Бог из машины; развязка вследствие непредвиденного обстоятельства (*лат.*).

⁶ Его враждебность относилась не к папству или протестантизму, монархическому правлению или республиканскому правлению, дому Стюартов или Нассаускому дому, но вообще ко всему в то время установившемуся (*англ.*). Речь идет о памфлете Р. Фергюсоне (1637–1714), Фергюсоне-заговорщике, как его называли.

иначе, как через оппозицию, что первый инстинкт, при помощи которого она себя утверждает, есть отрицание другого.

Прежде всего, от априорного инстинкта борьбы невозможно отказаться, если присмотреться к невероятно мелким, просто смехотворным поводам самой серьезной борьбы. Один английский историк рассказывает, что совсем недавно передрались между собой две ирландские партии, вражда которых возникла из спора относительно масти какой-то коровы. В Индии несколько десятилетий назад происходили серьезные восстания вследствие распри двух партий, ничего не знавших одна о другой, кроме того, что они – партии правой и левой руки. И только, так сказать, на другом конце эта ничтожность поводов для спора обнаруживает себя в том, что часто он завершается явлениями просто ребяческими. Магометане и индусы живут в Индии в постоянной, латентной вражде и отмечают ее тем, что магометане застегивают свое верхнее платье направо, а индусы – налево, что на общих трапезах первые усаживаются в круг, а вторые – в ряд, что бедные магометане используют в качестве тарелки одну сторону листа, а бедные индусы – другую. В человеческой вражде причина и действие часто до такой степени находятся вне связи и разумной пропорции, что невозможно правильно понять, является ли мнимый предмет спора его действительным поводом или всего только выходом для уже существующей вражды. Что касается, например, отдельных процессов борьбы между римскими и греческими партиями в цирке, разделения на партии ο'μοιοσυνας и ομοιοσυνας⁷ борьбы Алой и Белой розы, – то невозможность обнаружить какое-либо рациональное основание для борьбы заставляет нас по меньшей мере сомневаться. В целом создается впечатление, что люди никогда не любили друг друга из-за вещей столь малых и ничтожных, как те, из-за которых один другого ненавидит.

Наконец, (на мысль о том, что существует) изначальная потребность во враждебности, часто наводит и невероятно легкая внушаемость враждебного настроения. В общем, среднему человеку гораздо труднее удастся внушить другому такому же доверие и склонность к некоему третьему, прежде ему безразличному, чем недоверие и отвращение. Весьма характерно, что это различие оказывается относительно резким именно там, где речь идет о низших степенях того и другого, о первых зачатках настроенности и предрассудка в пользу или против кого-либо; что касается более высоких степеней, ведущих к практике, то тогда решает уже не эта мимолетная, однако выдающаяся основной инстинкт наклонность, но соображение более осознанного характера. Здесь обнаруживается тот же факт, но как бы иначе повернутый: легкие, словно бы тенью набегающие предубеждения на наш образ другого могут быть внушены даже совершенно безразличными личностями; для возникновения же *благоприятного* предрассудка нужен уже некто авторитетный или находящийся с нами в душевной близости. Быть может, без этой легкости или легкомыслия, с каким средний человек реагирует именно на внушения неблагоприятного рода, и *aliquid haeret*⁸ не стало бы трагической истиной.

Наблюдение всяческих антипатий и разделения на партии, интриг и случаев открытой борьбы, конечно, могло бы поставить враждебность в ряд тех первичных человеческих энергий, которые не высвобождаемы внешней реальностью их предметов, но сами для себя эти предметы создают. Так и говорят, что человек не потому имеет религию, что верит в Бога, но потому верит в Бога, что имеет религию как настроенность своей души. В отношении любви, пожалуй, общепризнано, что она, особенно в молодые годы, не есть лишь реакция нашей души, которую вызывает ее предмет (например, как воспринимается цвет нашим аппаратом зрения). Душа имеет потребность любить и только сама объемлет некоторый предмет, удовлетворяющий этой потребности. Да ведь душа впервые и наделяет его, при определенных обстоятельствах, такими свойствами, которые якобы вызвали любовь. Нет никаких оснований

⁷ Единосущего и подобносущего (*греч.*). Имеется в виду знаменитый догматический спор относительно природы Христа.

⁸ Что-то не ладится (*лат.*).

утверждать, что то же самое (с некоторыми оговорками) не может происходить и с развитием противоположного аффекта, что душа не обладает автохтонной потребностью ненавидеть и бороться, часто только и проецирующей на избираемые ею предметы их возбуждающие ненависть свойства.

Это не столь очевидный случай, как любовь. Дело, видимо, в том, что влечение любви благодаря тому, что в юности оно невероятно физиологически обострено, несомненным образом подтверждает свою спонтанность, свою определенность со стороны *terminus a quo*⁹. Влечение ненависти, пожалуй, только в виде исключения имеет такие острые стадии, которые могли бы позволить равным образом осознать ее субъективно-спонтанный характер.

Итак, если у человека действительно есть формальное влечение враждебности как парная противоположность потребности в симпатии, то, по-моему, исторически оно берет начало в одном из тех психических процессов дистилляции, когда внутренние движения в конце концов оставляют в душе после себя общую им форму как некое самостоятельное влечение. Интересы различного рода столь часто побуждают к борьбе за определенные блага, к оппозиции определенным личностям, что, вполне вероятно, в качестве остатка в наследственный инвентарь нашего рода могло перейти состояние возбуждения, само по себе побуждающее к антагонистическим выражениям.

Известно, что – в силу неоднократно обсуждавшихся причин – взаимоотношения примитивных групп почти всегда враждебны. Пожалуй, самый радикальный пример – индейцы, у которых каждое племя считалось находящимся в состоянии войны с любым другим, если с ним не был заключен внятный мирный договор. Но нельзя забывать, что на ранних стадиях культуры война есть едва ли не единственная форма, в которой вообще идет речь о соприкосновении с чужой группой. Покуда межтерриториальное торговое общение было неразвито, индивидуальные путешествия неизвестны, а духовная общность еще не выходила за границы группы, помимо войны не было никаких социологических взаимосвязей между различными группами. Здесь взаимоотношения элементов группы и примитивных групп между собой проявляются в совершенно противоположных формах. Внутри замкнутого круга вражда, как правило, означает *прерывание* взаимосвязей, отстраненность и избегание контактов; эти негативные явления сопровождается даже страстное взаимодействие открытой борьбы. Напротив, каждая из групп в целом равнодушна к другой, покуда длится мир, и лишь во время войны они обретают друг для друга активную значимость. Поэтому одно и то же влечение к экспансии и действительности, которое внутри требует безусловного мира как основы сцепления интересов и взаимодействия, вовне может выступать как воинственная тенденция.

II

Война, возникающая на основе единства и равенства, очень часто бывает более страстной и радикальной, чем в случае, если партии не составляли одно целое. Древний иудейский закон разрешает двоеженство, но он же налагает запрет на брак с двумя сестрами (хотя после смерти одной из них можно жениться на другой), ибо такой брак особо способствовал бы возбуждению ревности. То есть прямо предполагается как факт опыта, что на почве родственной общности возникает более сильный антагонизм, чем между чужими. Взаимная ненависть мельчайших соседних государств, у которых вся картина мира, локальные связи и интересы необходимым образом весьма сходны и нередко должны даже совпадать, часто намного более страстна и непримирима, чем между большими нациями, пространственно и по существу совершенно чужими друг другу. Этот рок настиг и Грецию, и послеримскую Италию, и с еще большей силой он обрушивался на Англию, пока там, после норманского завоевания, не сплелись обе

---

⁹ Исходный пункт (*лат.*).

расы. Они, эти расы, жили вперемешку на одной и той же территории, были привязаны друг к другу постоянно действовавшими жизненными интересами, их удерживала вместе единая идея государства. И все-таки внутренне они были совершенно чужды, во всем существе каждой из них сказывалось отсутствие взаимопонимания, а во властных интересах они были абсолютно враждебны одна другой. Справедливо сказано, что ожесточение и ненависть тут были большими, нежели они вообще могли проявиться в отношениях между внешне и внутренне разделенными племенами. Дела церковные наиболее показательны, ибо здесь малейшее отличие, поскольку оно догматически фиксировано, сразу заключает в себе логическую непримиримость: если отклонение вообще имеет место, то в категориальном отношении безразлично, велико оно или мало. Так обстояло дело в конфессиональных спорах между лютеранами и реформатами в XVII в. Едва только состоялось великое обособление от католицизма, как тут же целое расщеплялось, по ничтожнейшим поводам, на партии, по заявлениям которых скорее возможна была бы общность с папистами, чем со сторонниками иного исповедания. А когда в 1875 г. в Берне возникла трудность с определением места католического богослужения, Папа не разрешил, чтобы оно состоялось в церкви старокатоликов¹⁰, лучше тогда уж в реформатской церкви.

Два рода общности следует принять во внимание как фундамент особенно острого антагонизма: общность качеств и общность благодаря включенности в *единую* социальную связь. Первая сводится исключительно к тому, что мы являемся существами различными (*Unterschiedswesen*). Вражда должна тем глубже и сильнее возбудить сознание, чем больше схожесть партий, от которой она отталкивается. При мирном или исполненном любви настроении – это отличный защитный инструмент объединения, сравнимый с предупредительной функцией боли в организме; ибо именно явственная осознанность, с какой заявляет о себе диссонанс в обычно гармоничных отношениях, сразу же призывает к устранению почвы для спора, чтобы он не развел отношения до самого основания.

Но где нет этого намерения при любых обстоятельствах все-таки договориться, там сознание антагонизма, обостренное равенством во всем остальном, делает антагонизм еще острее. Люди, у которых много общего, часто куда горше, несправедливее обижают друг друга, чем совершенно чуждые. Иногда это случается потому, что большая область их взаимной общности стала чем-то само собой разумеющимся, и поэтому не она, а то, что на данный момент их разнит, определяет позиции по отношению друг к другу. Преимущественно это происходит именно в силу их немногих различий, а всякий мельчайший антагонизм приобретает иное относительное значение, чем это бывает между людьми более отчужденными, с самого начала взаимно ориентированными на возможные различия. Отсюда – семейные конфликты из-за совершеннейших пустяков, трагичность «мелочей», из-за которых порой расходятся вполне подходящие друг другу люди. Это отнюдь не всегда означает, что гармонизирующие силы еще прежде пришли в упадок; как раз большая схожесть свойств, склонностей, убеждений может привести к тому, что расхождение в чем-то совсем незначительном (из-за остроты противоположностей) будет ощущаться как нечто совершенно невыносимое.

Сюда добавляется еще вот что: чужому, с кем не объединяют ни общие качества, ни интересы, (люди) противостоят объективно, пряча личность в скорлупу сдержанности, поэтому отдельное различие не так легко становится доминантой человека. С абсолютно чужими соприкасаются лишь в тех точках, где возможны отдельные переговоры или совпадение интересов. Ими ограничивается и течение конфликта. Чем больше у нас (как целостных людей) общего с другим (человеком), тем легче наша целостность станет сопрягаться с каждым отдельным отношением к нему. Отсюда та непомерная резкость, те срывы, какие люди, обычно вполне собою владеющие, иногда позволяют себе как раз с самыми близкими. Счастье и глубина отношений

¹⁰ Старокатолицизм – течение, отколовшееся от католицизма после Ватиканского собора (1869–1870).

с человеком, с которым мы, так сказать, ощущаем свое тождество, когда ни одно слово, совместная деятельность или страдание не остаются подлинно обособленными, а облакают собой всю душу, душа отдает себя без остатка – так это и воспринимается: вот что делает разлад в подобном случае столь роковым и страстным, задавая схему для гибельного (отождествления): «Ты – вообще».

Если люди оказываются однажды связанными между собой таким образом, они слишком привыкают всю тотальность своего бытия и чувствования отдавать тому, к кому в этот момент обращаются. Иначе они и в спор привнесут (излишние) акценты, своего рода периферию, из-за чего спор перерастает сам повод к нему и пределы своего объективного значения и ведет к раздвоению личности. На высшей ступени духовного образования этого можно избежать; ибо для нее характерно соединение полной самоотдачи (душа отдает себя одной личности) с полным взаимным обособлением элементов души. В то время как недифференцированная страсть сплавляет тотальность человека с возбуждением одной части или момента, образование не позволяет им вырваться за пределы его собственного, точно очерченного права. Тем самым отношения гармоничных натур обретают то преимущество, что именно в конфликте они осознают, сколь незначителен он по сравнению с соединяющими их силами. Но помимо этого, именно у глубоких натур утонченная чувствительность к различиям сделает склонность и отвращение тем более страстными, что они выделяются на фоне противоположным образом окрашенного прошлого, а именно в случае однократных, неотзываемых решений об их отношениях, совершенно отличных от маятникового движения их повседневной взаимопринадлежности, не подвергаемой сомнению.

Стихийное отвращение, даже чувство ненависти между мужчинами и женщинами не имеет определенных оснований, а есть обоюдное отвержение всего бытия личностей – иногда это первая стадия отношений, второй стадией которых является страстная любовь. Можно было бы прийти к парадоксальному предположению, что у натур, которые предопределены к самой тесной чувственной связи, этот поворот вызывается инстинктивной целесообразностью, чтобы сообщить определенному чувству посредством противоположной ему прелюдии – словно бы отступлением для разбега – страстное обострение и сознание того, что теперь обретоно. Ту же форму обнаруживает и противоположное явление: глубочайшая ненависть вырастает из разбитой любви. Здесь, пожалуй, решающее значение имеет не только восприимчивость к различиям, но прежде всего опровержение собственного прошлого, выражающееся в такой смене чувств. Узнать, что глубокая любовь (притом не только половая) является заблуждением и отсутствием инстинкта – это такое самообнажение, такой надлом в надежности и единстве нашего самосознания, что мы неизбежно заставляем предмет этого невыносимого (чувства) искупить его перед нами. Тайное ощущение собственной вины мы весьма предусмотрительно прикрываем ненавистью, которая облегчает приписывание всей вины другому.

Дж. Тернер **Ключевые положения Зиммеля,** **касающиеся остроты конфликтов¹¹**

I. Чем больше группы вовлечены в конфликт эмоционально, тем острее конфликт.

A. Чем выше была раньше степень причастности групп к конфликту, тем сильнее они вовлечены в него эмоционально.

B. Чем сильнее была раньше вражда между группами, принимающими участие в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом. В. Чем сильнее соперничество участвующих в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом. II. Чем лучше «сгруппированы» группы, втянутые в конфликт, тем он острее.

III. Чем выше относительная сплоченность участвующих в конфликтах групп, тем острее конфликт.

IV. Чем крепче было раньше согласие участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.

V. Чем меньше изолированы и обособлены конфликтующие группы благодаря широкой социальной структуре, тем острее конфликт.

VI. Чем меньше конфликт служит просто средством достижения цели, чем больше он становится самоцелью, тем он острее.

VII. Чем больше, по представлению его участников, конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов, тем он острее.

---

¹¹ Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 134.

Дж. Тернер

Функции социального конфликта по отношению к участвующим в нем сторонам¹² [по Зиммелю]

I. Чем сильнее внутригрупповые раздоры и чаще межгрупповые конфликты, тем менее вероятно, что границы между группами должны исчезнуть. II. Чем сильнее острота конфликта, чем меньше интегрирована группа, тем больше вероятность деспотической централизации конфликтных групп. III. Чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность конфликтных групп.

A. Чем больше острота конфликта и меньше конфликтные группы, тем выше их внутренняя сплоченность.

1. Чем острее конфликт и меньше конфликтная группа, тем меньше в каждой группе терпимости к отклонениям и разногласиям.

B. Чем острее конфликт и чем больше группа выражает позицию меньшинства в данной системе, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.

B. Чем острее конфликт и чем больше группа занята самообороной, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.

---

¹² Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 135.

Дж. Тернер

Функции конфликта по отношению к социальному целому¹³ [по Зиммелю]

I. Чем меньше острота конфликта, чем больше социальное целое базируется на функциональной взаимозависимости, тем более вероятно, что конфликт имеет интегративные последствия для социального целого.

II. Чем чаще конфликты и чем они менее остры, тем лучше члены подчиненных групп могут избавиться от враждебности, почувствовать себя хозяевами своей собственной судьбы и, следовательно, поддерживать интеграцию системы.

III. Чем менее острый конфликт и чем он чаще, тем больше вероятность того, что будут созданы нормы, регулирующие конфликты.

IV. Чем сильнее вражда между группами в социальной иерархии, чем реже при этом открытые конфликты между ними, тем сильнее их внутренняя сплоченность, тем вероятнее, что они будут держать определенную социальную дистанцию и тем самым содействовать сохранению существующего социального порядка.

V. Чем более продолжителен и менее остр конфликт между группами, в различной степени обладающими властью, тем более вероятно, что они отрегулируют свое отношение к власти.

VI. Чем острее и продолжительнее конфликт, тем более вероятно, что группы, прежде не связанные между собой, образуют коалиции.

VII. Чем продолжительнее угроза острого конфликта между партиями, тем прочнее коалиции, в которые вступает каждая из сторон, участвующих в конфликте.

---

¹³ Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 136.

Р. Дарендорф Элементы теории социального конфликта¹⁴

V

В то время как общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно, процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур, по всей вероятности, применим ко всем их различным формам. Путь от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам, что означает, как правило, образование конфликтных групп, аналитически проходит в три этапа (которые при наблюдении форм организации, начиная приблизительно с политических партий, различаются эмпирически, т. е. не всегда четко).

Само исходное состояние структуры, т. е. выявленный каузальный фон определенного конфликта образует *первый этап* проявления конфликта. На основе существенных в каждом случае структурных признаков в данном социальном единстве можно выделить два агрегата социальных позиций, «обе стороны» фронта конфликта... Эти агрегаты представителей социальных позиций не являются пока в точном смысле социальной группой; они являются квази-группой, т. е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство, которое не нуждается в осознании ими.

Но такие «предполагаемые» общности фактически имеют исключительное значение. Применительно к структурным конфликтам мы должны сказать, что принадлежность к агрегату в форме квази-группы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов... Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции...

Второй этап развития конфликта состоит тогда в непосредственной кристаллизации, т. е. осознании латентных интересов, организации квази-групп в фактические группировки. Каждый социальный конфликт стремится к явному выражению вовне. Путь к манифестированию существующих латентных интересов не очень долг; квази-группы являются достижением порога организации групп интересов. При этом, конечно, «организация» не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений. В первом случае речь идет об организации политической партии, союза, в последнем, напротив, более об экспликации, проявлении конфликтов. При «ролевом конфликте» можно говорить об организации участвующих элементов только в переносном смысле. Тем не менее конфликты всегда стремятся к кристаллизации и артикуляции.

Разумеется, кристаллизация происходит при наличии определенных условий. По меньшей мере в случаях классовых конфликтов, конфликтов по поводу пропорционального представительства и конфликтов, связанных с меньшинствами, ими являются «условия организации». Чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать. При известных условиях – прежде всего если отсутствуют политические условия организации – сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие

¹⁴ Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

этого обостряется. Условия кристаллизации отношений конкуренции, международных и ролевых конфликтов должны изучаться отдельно.

Третий этап заключается в самих сформировавшихся конфликтах. По меньшей мере в тенденции конфликты являются столкновением между сторонами или элементами, характеризующимися очевидной идентичностью: между нациями, политическими организациями и т. д. В случае если такая идентичность еще отсутствует... конфликты в некоторой степени являются неполными. Это не означает, что такие противоречия не представляют интереса для теории конфликта; противоположность существует. Однако в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы с точки зрения организации являются идентичными.

VI

Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизующимся столкновениям между организованными сторонами. Но очевидно, что источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы. Конфликты между правительством и оппозицией выглядели в Венгрии в 1956 г. иначе, чем в Великобритании; отношения между Германией и Францией в 1960 г. иначе, чем в 1940-м; отношение немецкого общества к национальным и религиозным меньшинствам было в 1960 г. другим, нежели в 1940-м. Таким образом, формы социальных конфликтов изменяются; и теория социального конфликта должна дать ответ на вопрос, в каких аспектах можно обнаружить такие изменения формы и с чем они связаны. Это вопросы переменных и факторов вариабельности социальных конфликтов.

Что касается переменных социальных конфликтов, или границ, в которых они могут изменяться, то две кажутся особенно важными: интенсивность и насильственность. Конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Допускается, что обе переменные изменяются независимо друг от друга: не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот.

Переменная насильственности относится к формам проявления социальных конфликтов. Под ней подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. Отметим только некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией – другой. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами – забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т. д. и т. п. Международные отношения послевоенного времени предоставляют достаточно примеров для дифференциации насильственности конфликтов: от «духа Женевы» через «холодную войну» по поводу Берлина до «горячей войны» в Корее.

...Переменная интенсивности относится к степени участия пострадавших в данных конфликтах. Интенсивность конфликта больше, если для участников многое связано с ним, если, таким образом, цена поражения выше. Чем большее значение придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Это можно пояснить примером: борьба за председательство в футбольном клубе может проходить бурно и действительно насильственно; но, как правило, она означает для участников не так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами (с результатом которого связан уровень зарплаты) или, конечно, между «Востоком» и «Западом» (с результатом которого связаны шансы на выживание). Очевидные изменения индустриальных конфликтов в последнее десятилетие безусловно заключаются в снижении их интенсивности...

Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию и вместе с тем – социальную важность определенных конфликтов.

В этом месте должен стать полностью ясным смысл взятого за основу широкого определения конфликта. Форма столкновения, которая в обыденном языке называется «конфликтом» (впрочем, как и так называемая «классовая борьба») оказывается здесь только одной формой более широкого феномена конфликта, а именно формой крайней или значительной насильственности (и, возможно, также интенсивности). Теперь постановка вопроса теории изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта? На чем, таким образом, основывается варибельность социальных конфликтов применительно к выделенным здесь переменным? Наша цель – не определение строгих и основательных ответов на эти вопросы; мы обозначим лишь некоторые области значимых факторов, дальнейшее изучение которых представляет собой нерешенную задачу социологии конфликта.

Первый круг факторов вытекает из условий организации конфликтных групп, или манифестирования конфликтов. Вопреки часто выражаемому предположению полное манифестирование конфликтов всегда уже является шагом к их ослаблению. Многие столкновения приобретают свою высшую степень интенсивности и насильственности тогда, когда одна из участвующих сторон способна к организации, есть социальные и технические условия, но организация запрещена и, таким образом, отсутствуют политические условия. Историческими примерами этого являются конфликты как из области международных отношений (партизанские войны), так и конфликты внутри общества (индустриальные конфликты до легального признания профсоюзов). Всегда наиболее опасен не до конца доступный для понимания, только частично ставший явным конфликт, который выражается в революционных или квазиреволюционных взрывах. Если конфликты признаются как таковые, то часто с ними не так много связано. Тогда становится возможным смягчение их форм.

Еще более важным, особенно применительно к интенсивности конфликтов, кажется круг факторов социальной мобильности. В той степени, в которой возможна мобильность – и прежде всего между борющимися сторонами, интенсивность конфликтов уменьшается, и наоборот... Чем сильнее единичное привязано к своей общественной позиции, тем интенсивнее становятся вырастающие из этой позиции конфликты, тем неизбежнее участники привязаны к конфликтам. Исходя из этого, можно представить тезис, что конфликты на основе возрастных и половых различий всегда интенсивнее, чем на основе профессиональных различий, или что, как правило, конфессиональные столкновения интенсивнее, чем региональные. Вертикальная и горизонтальная мобильность, переход в другой слой и миграция всегда способствуют снижению интенсивности конфликта.

Одна из важнейших групп факторов, которые могут влиять на интенсивность конфликтов, заключается в степени того, что можно спорно обозначить как социальный плюрализм, а точнее – как напластование или разделение социальных структурных областей. В каждом обществе существует большое количество социальных конфликтов, например, между конфессиями, между частями страны, между руководящими и управляемыми. Они могут быть отделены друг от друга так, что стороны каждого отдельного конфликта как таковые представлены только в нем; но они могут быть напластованы так, что эти фронты повторяются в различных конфликтах, когда конфессия А, часть страны Q и правящая группа перемешиваются в одну большую «сторону». В каждом обществе существует большое количество институциональных порядков – государство и экономика, право и армия, воспитание и церковь. Эти порядки могут быть относительно независимы, а политические, экономические, юридические, военные, педагогические и религиозные руководящие группы – не идентичны; но, возможно, что одна и та же группа задает тон во всех областях. В степени, в которой в обществе возникают такие и

подобные феномены напластования, возрастает интенсивность конфликтов; и напротив, она снижается в той степени, в какой структура общества становится плюралистичной, т. е. обнаруживает разнообразные автономные области.

При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все; осуществление экономических требований должно одновременно изменить политические отношения. Если области разделены, то с каждым отдельным конфликтом не так много связано, тогда снижается цена поражения (и при этом интенсивность).

Эти три области факторов, которые были здесь очень бегло обозначены, дополняет еще одна, касающаяся насильственности социальных конфликтов: их регулирование.

VII

Из трех точек зрения на социальные конфликты между отдельными людьми, группами и обществами только одна является рациональной... только эта установка действительно гарантирует контроль насильственности социальных конфликтов внутри обществ и между ними. Тем не менее эта установка является намного более редкой, чем две остальные, недостаточность которых может доказать социологическая теория конфликта.

То, что противоречие может быть подавлено, несомненно, является очень старым предположением руководящих инстанций. Но хотя само собой разумеется, *подавление конфликта* редко рекомендовалось как уместное в истории политической философии, многие до наших дней следовали этому рецепту. Однако подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта: во всей истории человечества революции предоставляют горькие доказательства этого тезиса. Конечно, не каждая так называемая тоталитарная система фактически является системой подавления, и окончательное подавление редко встречается в истории. Большинство непарламентских форм государства очень осторожно сочетают подавление и регулирование конфликтов. Если этого не происходит, если каждое противоречие, каждый антагонизм действительно подавлялись, то взрыв предельно насильственных конфликтов является лишь вопросом времени. Метод подавления социальных конфликтов не может предпочитаться в течение продолжительного срока, т. е. периода, превышающего несколько лет. Но это же относится и ко всем формам так называемой «отмены» конфликтов. В истории как в международной области, так и внутри обществ, в отношениях между группами и между ролями вновь и вновь предпринимались попытки раз и навсегда устранить имеющиеся противоположности и противоречия путем вмешательства в существующие структуры. Под «отменой» конфликтов здесь должна пониматься любая попытка в корне ликвидировать противоречия. Эта попытка всегда обманчива. Фактические предметы определенных конфликтов – корейский вопрос в конфликте Восток – Запад, чрезвычайное законодательство в партийном конфликте, конкретные требования зарплаты в столкновении между партнерами по тарифным переговорам – можно «устранить», т. е. регулировать так, чтобы они не возникли снова как предметы конфликта. Но такое регулирование предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. Социальные конфликты, т. е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения. Тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое «разрешение», которое по природе вещей не может быть успешным. «Единство народа» и «бесклассовое общество» – это только два из многих проявлений подавления конфликтов под видом их разрешения.

Прекращение конфликтов, которое, в противоположность подавлению и «отмене» обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть *регулируемостью конфликтов*. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в которой их удастся регулировать, они становятся контролируруемыми и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур.

Разумеется, успешное регулирование конфликтов предполагает ряд условий. Для этого нужно, (1) чтобы конфликты вообще, а также данные отдельные противоречия признавались всеми участниками как неизбежные, и более того – как оправданные и целесообразные. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Покорного признания неизбежности конфликтов также недостаточно. Скорее необходимо осознать плодотворный, творческий принцип конфликтов. Это означает, (2) что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений и что нужно отказаться от бесполезных попыток устранения их причин. Причины конфликтов – в отличие от их явных конкретных предметов – устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариативность. Это происходит (3) вследствие того, что данные конфликты обязательно канализируются. Манифестирование конфликтов, например организация конфликтных групп, является условием для возможного регулирования... При наличии всех этих предпосылок следующий шаг заключается в том, что участники соглашаются на известные «правила игры», в соответствии с которыми они желают разрешать свои конфликты. Несомненно, это решающий шаг любого регулирования социальных конфликтов; однако, он должен рассматриваться в связи с остальными предпосылками. «Правила игры», типовые соглашения, конституции, уставы и т. п. могут быть эффективны только в случае, если они с самого начала не отдают предпочтение одному из участников в ущерб другому, ограничиваются формальными аспектами конфликта и предполагают обязательное канализирование всех противоположностей.

Форма «правил игры» является такой же многообразной, как сама действительность. Различаются требования к хорошей конституции государства, рациональному соглашению в результате тарифных переговоров, уместному уставу объединения или к действенному международному соглашению. Применительно к содержанию рациональных правил игры на выбранном здесь уровне обобщения можно со всей осторожностью дать еще один комментарий. Все «правила игры» касаются способов, которыми контрагенты намереваются разрешать свои противоречия. К ним принадлежит ряд форм, которые могут применяться последовательно (и которые схематически представлены в приведенном выше обзоре с точки зрения индустриальной социологии).

1. **Переговоры**, т. е. создание органа, в котором конфликтующие стороны регулярно встречаются с целью ведения переговоров по всем острым темам, связанным с конфликтом, и принятия решений установленными способами, соответствующими обстоятельствам (большинством, квалифицированным большинством, большинством с правом вето, единогласно). Однако редко бывает достаточно только этой возможности: переговоры могут остаться безрезультатными. В такой ситуации рекомендуется привлечение «третьей стороны», т. е. не участвующих в конфликте лиц или инстанций.

2. Наиболее мягкой формой участия третьей стороны является **посредничество**, т. е. соглашение сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения. Несмотря на кажущуюся необязательность этого образа действий, посредничество (например, Генерального секретаря ООН, федерального канцлера и т. д.) часто оказывается в высшей степени эффективным инструментом регулирования.

3. Тем не менее часто необходимо сделать следующий шаг к **арбитражу**, т. е. к тому, что либо обращение к третьей стороне, либо, в случае такого обращения, исполнение ее решения является обязательным. Эта ситуация характеризует положение правовых институтов в некоторых (в частности, международных) конфликтах.

4. В случае, если для участников обязательно как обращение к третьей стороне, так и принятие ее решения, **обязательный арбитраж** находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Этот метод может иногда быть необходим (для сохранения формы государственного правления, возможно, также для обеспечения мира в международной области), но при его использовании регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным.

Нужно подчеркнуть еще раз, что конфликты не исчезают путем их регулирования. Там, где существует общество, существуют также конфликты. Однако формы регулирования воздействуют на насильственность конфликтов. Регулируемый конфликт является в известной степени смягченным: хотя он продолжается и может быть чрезвычайно интенсивным, он протекает в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой. Возможно, конфликт является отцом всех вещей, т. е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной. Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики.

Таблица 1.1

Обзор «Формы регулирования социальных конфликтов»*

Приглашение третьей стороны	Принятие решения третьей стороны	Наименование
Отсутствует	Отсутствует	Переговоры
Добровольное	Добровольное	Посредничество
Добровольное	Обязательное	Посредничество
Обязательное	Добровольное	Арбитраж
Обязательное	Обязательное	Обязательный арбитраж

* Схема сделана по образцу: *Moore W. E. Industrial Relations and the Social Order.* – New York, 1946. – P. 446.

Дж. Тернер Положения схемы Дарендорфа¹⁵

I. Чем больше члены квазигрупп в ИКА¹⁶ могут осознать свои объективные интересы и образовать конфликтную группу, с тем большей вероятностью произойдет конфликт. А. Чем больше будет собрано «технических» условий организации, тем вероятнее образование конфликтной группы.

1. Чем больше в квазигруппах будет создано руководящих кадров, тем вероятнее, что образуются все «технические» условия организации.

2. Чем более кодифицирована идея системы, или хартия, тем вероятнее, что сложатся все «технические» условия организации.

Б. Чем шире будет круг «политических» условий организации, тем вероятнее, что образуется конфликтная группа.

1. Чем больше господствующие группы разрешают организацию противоположных им интересов, тем выше вероятность того, что будут собраны все «политические» условия организации.

В. Чем больше можно собрать «социальных» условий организации, тем выше вероятность образования конфликтных групп.

1. Чем больше у членов квазигрупп возможностей общаться друг с другом, тем больше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.

2. Чем больше новых членов могут иметь структурные образования (например, родство), тем выше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.

II. Чем больше соберется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт.

III. Чем больше распределение авторитета связано с распределением других вознаграждений (наложение), тем острее конфликт.

IV. Чем меньше мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт.

V. Чем меньше складывается «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственный характер приобретает конфликт.

VI. Чем больше обнищание угнетенных, связанных с распределением вознаграждений, переключается с абсолютного базиса на относительный, тем более насильственным является конфликт.

VII. Чем меньше конфликтные группы способны приходить к соглашениям, тем более насильственным является конфликт.

VIII. Чем острее конфликт, тем больше он вызовет структурных изменений и реорганизаций.

IX. Чем более насильственным является конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций.

---

¹⁵ Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 151.

¹⁶ Императивно координированные ассоциации, по Дарендорфу, – любые социальные группы, в организации ролей которых существует явное дифференцированное распределение власти. – *Примеч. сост.*

Л. А. Козер

Функции социального конфликта¹⁷

Конфликт внутри группы может способствовать ее сплочению или восстановлению единства в том случае, если последнему угрожают вражда или антагонизм членов группы. Вместе с тем далеко не все разновидности конфликта благоприятны для внутригрупповой структуры, равно как не во всякой группе могут найти применение объединяющие функции конфликта. Та или иная роль конфликта во внутригрупповой адаптации зависят от характера вопросов, составляющих предмет спора, а также от типа социальной структуры, в рамках которой протекает конфликт. Однако виды конфликтов и типы социальных структур сами по себе не являются независимыми переменными.

Внутренние социальные конфликты, затрагивающие только такие цели, ценности и интересы, которые не противостоят принятым основам внутригрупповых отношений, как правило, носят функционально-позитивный характер. В тенденции такие конфликты содействуют изменению внутригрупповых норм и отношений в соответствии с насущными потребностями отдельных индивидов или подгрупп. Если же противоборствующие стороны не разделяют более тех ценностей, на которых базировалась законность данной системы, то внутренний конфликт несет в себе опасность распада социальной структуры.

Тем не менее сама социальная структура содержит гарантии единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: это институционализация конфликта и определение степеней допустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чрезвычайным социальным взрывом, ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт.

В социальной структуре любого типа всегда имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов или подгрупп по поводу дефицитных ресурсов, позиций престижа или отношений власти. Вместе с тем социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения антагонистических притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций.

Группы, отличающиеся тесными внутренними связями, значительной частотой интеракций и высоким уровнем личностной отвлеченности, имеют тенденцию к подавлению конфликтов. Частые контакты между членами таких групп придают большую насыщенность эмоциям любви и ненависти, что в свою очередь провоцирует рост враждебных настроений. Однако реализация враждебности осознается как угроза сложившимся близким отношениям; это обстоятельство влечет за собой подавление негативных эмоций и запрет на их открытое проявление. В группах, где индивиды находятся в тесных отношениях друг с другом, происходит постепенная аккумуляция, а следовательно, и усиление внутренних антагонизмов. Если в группе, которая ориентирована на предотвращение откровенных демонстраций ненависти, все же вспыхивает социальный конфликт, он будет особенно острым по двум причинам. Во-первых, потому, что этот конфликт явится не только средством разрешения проблемы, послужившей для него непосредственным поводом, но и своеобразной попыткой компенсации за все накопившиеся обиды, которые до сих пор не получали выхода. Во-вторых, потому, что всеохватывающая личностная вовлеченность индивидов в дела группы приведет к мобилизации всех эмоциональных ресурсов, которыми они располагают. Следовательно, чем сплоченнее группа, тем интенсивнее

---

¹⁷ Социальный конфликт: современные исследования: Реферативный сб. – М.: МГУ, 1991. – С. 22–26.

ее внутренние конфликты. Полнота личностной вовлеченности в условиях подавления настроений враждебности угрожает в случае конфликта самим истокам внутригрупповых отношений.

В группах с частичным индивидуальным участием вероятность разрушительного действия конфликта уменьшается. Для групп такого рода типичной будет множественность конфликтных ситуаций. Эта особенность сама по себе служит препятствием для нарушения внутригруппового единства. Энергия индивидов оказывается распыленной в самых разных направлениях, что мешает ее концентрации на уровне какой-либо одной взрывоопасной ситуации, чреватой расколом всей системы. Далее, если невозможна аккумуляция враждебных эмоций и, напротив, имеются все шансы для открытого их проявления в целях вероятного снижения напряженности, конфликтная ситуация обычно ограничивается ее ближайшим источником, т. е. не ведет к возрождению заблокированного антагонизма. Конфликт исчерпывается «фактами по данному делу». Можно поэтому решиться утверждать, что интенсивность конфликта обратно пропорциональна его социальной неоднородности.

До сих пор мы обсуждали только внутренние социальные конфликты. Теперь нам придется коснуться конфликта внешнего, поскольку конфликтные отношения с другими группами или намерение вступить в такие отношения существенно влияют на внутригрупповую структуру. Группы, которые поглощены непрерывной внешней борьбой, обычно претендуют на абсолютную личностную вовлеченность своих членов, с тем чтобы внутренний конфликт привел в действие весь их энергетический и эмоциональный потенциал. Поэтому такие группы отличаются нетерпимостью к более чем однократному нарушению внутреннего единства. Здесь существует ярко выраженная тенденция к подавлению внутренних конфликтов. Если же такой конфликт все-таки возникает, он ведет к ослаблению группы путем раскола или насильственного удаления инакомыслящих.

Группы, не втянутые в постоянный внешний конфликт, реже требуют от своих членов всей полноты их личностного участия. Как правило, такие группы отличаются гибкостью структуры и внутренним равновесием – в значительной мере благодаря множественности конфликтных ситуаций. В условиях структурной гибкости неоднородные внутренние конфликты постоянно накладываются друг на друга, предотвращая тем самым глобальный раскол группы в каком-либо одном направлении.

Индивиды вынуждены одновременно участвовать в нескольких самых разных конфликтах, ни один из которых не поглощает полностью их личностных ресурсов. Частичное участие в массе конфликтных ситуаций выступает в роли механизма, поддерживающего равновесие внутригрупповой структуры.

Таким образом, в свободно структурированных группах и открытых обществах конфликт, который нацелен на снижение антагонистического напряжения, выполняет функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений. Предоставляя обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоборствующих требований, такие социальные системы могут изменить свою структуру и элиминировать источник недовольства. Свойственный им плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство. Благодаря терпимости в отношении социальных конфликтов и попытке их институализации такие системы получают в свое распоряжение важный механизм социальной стабилизации. Кроме того, конфликт внутри группы часто содействует появлению новых социальных норм или обновлению существующих. С этой точки зрения, социальный конфликт есть способ адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам. Общества с гибкой структурой извлекают из конфликтных ситуаций определенную пользу, поскольку конфликты, способствуя возникновению и изменению социальных норм, обеспечивают существование этих обществ в новых условиях. Подобный корректирующий механизм вряд ли возможен в жестких системах: подавляя кон-

фликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы.

Внутренний конфликт может также служить средством для определения взаимного соотношения сил защитников антагонистических интересов, превращаясь в механизм поддержания или изменения внутреннего баланса сил. Конфликтная ситуация равноценна нарушению прежнего соглашения сторон. В ходе конфликта выявляется реальный потенциал каждого из противников, после чего становится возможным новое равновесие между ними и возобновление прежних отношений на этой основе. Социальная структура, в которой есть место для конфликта, может легко избежать состояний внутренней неустойчивости или модифицировать эти состояния, изменив существующее соотношение позиций власти.

Конфликты с одними членами группы ведут к коалициям или союзам с другими. Посредством этих коалиций между некоторыми членами группы конфликт способствует снижению уровня социальной изоляции или объединению таких индивидов и групп, которые в противном случае не связывали бы никакие иные отношения, кроме обоюдной ненависти. Социальная структура, которая запускает плюрализм конфликтных ситуаций, обладает механизмом соединения сторон, до тех пор изолированных, апатичных либо страдающих взаимной антипатией, для вовлечения их в сферу социальной активности. Подобная структура содействует также возникновению множества союзов и коалиций, преследующих множество перекрещивающихся целей, что, как мы помним, предотвращает объединение сил по какой-либо одной линии раскола.

Поскольку союз и коалиция оформились в ходе конфликта с другими группами, этот конфликт в дальнейшем может служить в качестве разграничительной линии между коалициями и их социальным окружением. Тем самым социальный конфликт вносит вклад в структурирование более широкого социального окружения, определяя положение разных подгрупп внутри системы и распределяя позиции власти между ними.

Не все социальные системы с частичным индивидуальным участием допускают свободное выражение противоборствующих притязаний. Социальные системы отличаются друг от друга уровнем толерантности и институализации конфликтов; не существует таких обществ, где любое антагонистическое требование могло бы проявиться беспрепятственно и незамедлительно. Общества располагают способами канализации социального недовольства и негативных эмоций, сохраняя при этом целостность тех отношений, в рамках которых развился антагонизм. Для этого нередко используются социальные институты, выполняющие функции «предохранительных клапанов». Они предоставляют замещающие объекты для «переадресовки» настроений ненависти и средства для «освобождения» агрессивных тенденций. Подобные «отдушины» могут служить как для сохранения социальной структуры, так и для поддержания индивидуальной системы безопасности. Однако и в том и в другом случае им будет свойственна функциональная незавершенность. Препятствуя изменению отношений в изменившихся обстоятельствах, эти институты могут дать лишь частичный или мгновенный регулирующий эффект. Согласно некоторым гипотезам, потребность в институализированных социальных «клапанах» увеличивается вместе с ростом ригидности социальных систем, т. е. вслед за распространением запретов на непосредственное выражение антагонистических требований. Институализированные предохранительные системы меняют направление конфликта и исходную цель его субъектов. Последние не стремятся более к достижению специфического результата, т. е. к разрешению конфликтной ситуации, которая их не удовлетворяла, предпочитая снизить социальное напряжение, порожденное этой ситуацией.

Л. А. Козер Завершение конфликта¹⁸

Некоторые социальные процессы являются конечными; это значит, что они определяются своим преходящим характером, а способы их завершения институционально предписаны. С заключением брачного союза заканчивается период ухаживания; завершением формального образования является достижение цели обучения, озаменованное выпускными экзаменами или торжественным актом. Другие социальные процессы, такие, как дружба или любовь, не имеют четкой точки завершения. Следуя закону социальной инерции, они продолжают действовать, до тех пор пока их участники не предложат ясных условий их прекращения. К такого рода процессам относится социальный конфликт. Если, например, в игре правила ее ведения одновременно включают и правила окончания, то в социальном конфликте непременно должна быть установлена четкая договоренность между соперниками относительно его завершения. В том случае, когда не достигнуто никаких взаимных соглашений к некоторому моменту борьбы, ее окончание становится возможным лишь как следствие гибели по крайней мере одного из противников. Это значит, что завершение конфликта содержит в себе ряд проблем, которые не свойственны конечным процессам.

Различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа согласие сторон сведено к минимуму, борьба прекращается только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников. По словам Х. Шпейера, мир, завершающий абсолютную войну, устанавливается уже в отсутствие врага.

Разумеется, конфликты такого рода особенно изнурительны и дорогостоящи, по крайней мере для противников, обладающих примерным равенством сил. Если соперники стремятся избежать «игры с нулевой суммой очков», исходом которой может быть либо окончательная победа, либо столь же безусловное поражение любой из сторон, они обоюдно заинтересованы в создании механизмов, способных привести к обусловленному завершению борьбы. В действительности большинство конфликтов оканчивается раньше, чем побежденная сторона будет полностью разбита. Выражение «стоять до последнего», как правило, оказывается только фразой. Сопrotивление в принципе всегда возможно, до тех пор пока в лагерях враждующих сторон остается хотя бы по одному воину. Тем не менее схватка обычно прекращается задолго до наступления этого момента. Так происходит потому, что соперники договариваются относительно условий завершения конфликта.

Если абсолютные конфликты практически не допускают никаких соглашений по поводу их окончания, некоторым разновидностям высокоинституализированных конфликтов присущи специфические точки завершения. Символические концовки дуэлей, испытаний «огнем и водой» и прочих состязательных видов борьбы служат их концентрирующим началом и придают им характер игры, автоматически определяя финал конфликта. Здесь подсчитываются очки, устанавливается линия финиша, фиксируется условно допустимая степень повреждений. Когда сумма очков достигает определенного числа, когда доказана та или иная разновидность причиненного ущерба или пересечена финишная черта, конфликт оказывается исчерпанным, а его результат – очевидным как для победителя, так и для побежденного.

---

¹⁸ Социальный конфликт: современные исследования: Реферативный сб. – М.: МГУ, 1991. – С. 27–35.

Если конфликт институализирован не полностью, оценка сравнительной силы сторон оказывается нелегкой задачей, так что потерпевший может и не согласиться с фактом своего поражения либо вообще не знать о нем. Поэтому оба соперника, стремясь избежать лишних усилий, заинтересованы в том, чтобы момент выигрыша или пик борьбы, который делает невозможным дальнейшее предвосхищение победы, были бы обозначены как можно более четко. Окончание конфликта становится в этом случае проблемой, которую должны решать оба оппонента.

Завершение конфликта представляет собой социальный процесс, который, хотя и обусловлен намерениями противников, все же не может быть выведен из них непосредственно. По замечанию Г. Зиммеля, это специфическое предприятие не принадлежит ни миру, ни войне, подобно тому, как не принадлежит ни одному из берегов соединяющий их мост. Исход конфликта, без сомнений, связан и с целями участников, и с теми средствами, которые они используют. Его длительность и интенсивность будут зависеть от устремлений оппонентов, от имеющихся в их распоряжении ресурсов, наконец, от времени и усилий, которые потребуются для выработки окончательного решения. Тем не менее завершение конфликта, т. е. достижение согласия по вопросу о том, что следует считать истинным решением проблемы, выдвигает на первый план такие факторы, которые не связаны напрямую с действиями сторон и должны быть поэтому рассмотрены отдельно.

Завершение всех видов конфликтов (за исключением абсолютных) предполагает обоюдную активность соперников.

Поэтому данный процесс нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. Вопреки соображениям здравого смысла решающий вклад в окончание конфликта вносит не только тот, кто, вероятно, останется в выигрыше, но и тот, чей проигрыш уже предрешен. Как отмечает Г. Калахан, войну навязывает победитель, но мир наступает благодаря усилиям потерпевшей стороны. Следовательно, чтобы понять мотивы заключения мира, надо принять во внимание точку зрения побежденного: война будет длиться до тех пор, пока последний не пойдет на мировую. Иначе говоря, неотъемлемым элементом победы оказывается готовность проигравшего пойти на уступки. Недвусмысленное признание своего поражения служит в данном случае доказательством истинной силы. Подобные действия Зиммель назвал настоящим подарком побежденного своему более удачливому сопернику, а способность делать подарки, как известно, является критерием подлинной независимости.

Если, таким образом, и победитель, и побежденный вносят равный вклад в дело завершения конфликта, они вынуждены заключить между собой некоторое соглашение. Как убедительно показал Т. Шеллинг, признания друг друга и взаимных уступок. Этот тезис применим не только для характеристики ведения конфликта, но и его завершения. Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны заключить договор относительно норм и правил, которые позволят определить взаимное соотношение сил. Общность интересов вынуждает соперников принять такие правила, которые усиливают их зависимость друг от друга в самом процессе отстаивания антагонистических целей. Договоренности подобного рода способствуют самоликвидации конфликта; в той мере, в какой принятые правила соблюдаются, конфликт институализируется и приобретает черты состязательной борьбы, о которой говорилось выше.

Соглашения, в которых четко зафиксированы цели противников и оговорен момент будущего исхода борьбы, уменьшают длительность конфликта. Раз одна из сторон добилась своей цели, а другая приняла этот факт как знак своего поражения, конфликт исчерпан. Чем жестче очерчен предмет спора, чем очевиднее признаки, знаменующие победу, тем больше шансов, что конфликт будет локализован во времени и в пространстве. В этой связи уместно вспомнить известный афоризм Дюркгейма: «Чем более человек имеет, тем более он желает, ибо удовлетворение потребностей порождает новые желания, не насыщая прежних». Пределы, поло-

женные «аппетитам» сторон их взаимной договоренностью, придают нормативно-конечный характер процессу, который как таковой не обладает способностью к самоограничению.

Иллюстрацией к сказанному могут служить примеры из истории тред-юнионизма. Ограниченные цели борьбы его экономического крыла содержали в себе не только возможности для урегулирования спорных вопросов, но и наглядные признаки наиболее удобных моментов для завершения схватки. Что же касается сторонников революционного синдикализма, то для них окончание забастовки всегда представляло мучительную проблему. Поскольку цель последних состояла не в улучшении капиталистического порядка изнутри, а в его ниспровержении, постольку они не могли согласиться на такой финал борьбы, который означал победу с точки зрения экономического тред-юнионизма. Стратегия революционного синдикализма заведомо обрекала себя на провал, так как с этих позиций никакой исход забастовки не мог считаться приемлемым разрешением конфликта, если он не означал уничтожения капитализма. Невосприимчивые к свидетельствам относительного успеха, игнорирующие всякие попытки к примирению адепты революционного синдикализма не способны были использовать даже завоеванные ими частичные преимущества. Как это ни парадоксально, в данном случае именно слабая сторона требовала безусловного подчинения от своего сильного оппонента, провоцируя тем самым продолжение борьбы до полного истощения сил.

Приведенный пример показывает тесную связь между тем или иным исходом борьбы и специфическими целями ее участников. Чем ограниченнее их устремления, чем меньше жертва, требуемая от оппонента, тем больше вероятность, что побежденная сторона будет готова уступить свои позиции. Следует постепенно подводить проигравшего соперника к решению, что заключение мира будет для него более выгодно, чем продолжение войны. Подобное решение значительно облегчается в тех случаях, когда требования победителя не выглядят чрезмерными. Если желания последнего строго ограничены, как, например, в случае русско-японского конфликта 1905 г. или испано-американской войны, то процесс примирения оказывается относительно легким. Как только японцы преуспели в своем намерении приостановить продвижение русских на Дальний Восток, их цель была достигнута и они смогли позволить себе предпринять первые шаги в сторону мира, обратившись к Рузвельту с просьбой о посредничестве. Аналогичным образом США, разбив испанский флот и овладев Кубой, не были заинтересованы в дальнейших военных действиях против Испании на материке.

И все-таки независимо от действий потенциального победителя, способствующих скорейшему завершению конфликта, последнее слово остается за побежденным. Что же в таком случае заставляет проигравшего признать свое фиаско? Здесь решающую роль играет не только объективная ситуация, но и соответствующее ее восприятие, так как только оно может принести столь желанную констатацию проигрыша. Как пишет Клаузевиц, если мы хотим подчинить соперника нашей воле, нам следует поставить его в такое положение, которое покажется ему более тягостным, чем требуемая нами жертва. Это эlegantное изречение тем не менее лишается смысла, если не будут определены критерии, руководствуясь которыми противник сможет в действительности оценить сложившуюся ситуацию. Разные противники могут иметь разные мнения по поводу тяжести своего положения или цены требуемой жертвы. Оценки подобного рода крайне трудны и не сводимы исключительно к рациональным соображениям или расчету. Их выбор значительно облегчается, если под рукой есть доступные символические ориентиры, позволяющие овладеть ситуацией.

Во всех тех случаях, когда война строго локализована (как, например, военные действия в XVII в.), то или иное очевидное событие – штурм крепости, преодоление естественного барьера и т. п. – служит для соперников символом успешной реализации намерений одного из них. Последующие уступки потерпевшей стороны означают полное и окончательное разрешение спорного вопроса. Если же нет таких ориентиров, доступных восприятию обоих противников, завершение конфликта осложняется.

Природа символических ключей-ориентиров может существенно варьироваться. Следовательно, вероятный победитель должен располагать точными сведениями о том, какие именно символы его оппонент расценит как свидетельства своей неудачи. Если столица государства олицетворяет для его граждан само существование нации, то падение столицы будет воспринято как поражение с последующими уступками победителю. Так, падение Парижа в 1871 и в 1941 гг. символизировало для большинства французов окончание войны, несмотря на то что Гамбетта собрал новые значительные силы в провинции, а де Голль призывал к продолжению борьбы из Лондона. Только относительно небольшое число французов отказалось принять падение Парижа как знак военного поражения нации. Менее централизованные народы, для которых столица не обладает столь большим символическим значением, не воспринимают захват главного города страны как решающее событие войны. Претория и Блумфонтен сдались англичанам в 1900 г. Тем не менее, к большому удивлению британцев, сопротивление буров не прекращалось еще в течение двух лет. Британцы не могли понять, что для буров, занятых преимущественно сельским трудом, именно обширные сельскохозяйственные угодья, а не города, являются символом нации. Для буров война закончилась лишь тогда, когда постоянная нехватка фуража, тяжелые условия и грабежи противника уничтожили их лошадей. Для человека, выросшего в седле, утрата лошади с неизбежностью означает поражение. Точно так же разграбление Вашингтона в 1812 г. не воспринималось американцами как свидетельство национальной катастрофы: символом национальной независимости, с их точки зрения, являлась не федеральная столица, а бескрайние просторы Америки. В других случаях символ неудачи вообще может быть не связан с захватом территории, а ассоциироваться, например, с гибелью или пленением харизматического вождя.

В структуре неприятельского лагеря указатели-ориентиры представлены как значимые символы поражения и победы. Поэтому для обеих сторон чрезвычайно важно обладать более подробными сведениями об отличительных особенностях социальной структуры и символах противника. Когда в кромешной тьме сталкиваются две абсолютно незнакомые армии, их обоюдное невежество мешает им договориться, прежде чем силы обеих окажутся на пределе.

Способность использовать в схватке символические знаки поражения или победы оппонента зависит не только от знания его организационной структуры, но и от внутренней динамики своего собственного лагеря. Внутренняя борьба может послужить препятствием для признания той или иной совокупности событий в качестве недвусмысленного символа неудачи. Даже в том случае, если факт поражения признается большинством, вполне вероятно, что меньшинство будет по-прежнему отстаивать возможность дальнейшего сопротивления. Отдельные группы могут прийти к заключению, что лидеры, принимающие решения и согласившиеся положить конец конфликту, предали общее дело. Обширный материал для разногласий внутри каждого из враждующих лагерей содержит также условия заключения мира, тем более что в зависимости от переменной фортуны эти условия получают новые и новые трактовки на разных этапах развития конфликта. Партии могут принципиально расходиться в оценке того или иного события как имеющего решающее или случайное значение для исхода борьбы. Противоборство внутренних группировок будет тем глубже и ожесточеннее, чем менее интегрирована социальная структура. В интегрированных структурах внутреннее несогласие возбуждает и усиливает энергию групп, но если расхождения по поводу адекватности тех или иных действий затрагивают глубинные пласты общих верований, символы победы и поражения также могут оказаться различными для разных групп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.